

„О просвѣщеніи“ народовъ ¹⁾.

Въ настоящее время вопросъ о просвѣщеніи народовъ является однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ, занимающихъ наше общество. Всѣ согласны между собою въ томъ, что „ученье свѣтъ, а неученье тьма“, и всѣ мыслящіе люди стремятся съ своей стороны принести посильную жертву на пользу просвѣщенія темныхъ массъ,— кто словомъ, кто дѣломъ, кто матеріальною помощію. Постоянно раздаются голоса о необходимости широкаго просвѣтительнаго вліянія на массы народа, остающіяся еще на первой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Постоянно мы слышимъ объ открытіи новыхъ школъ и расширеніи прежнихъ какъ на государственныя и общественныя, такъ и на частныя средства. Почти ежедневно печать приноситъ извѣстія о болѣе или менѣе крупныхъ пожертвованіяхъ на дѣло просвѣщенія народа. Наконецъ, справедливость требуетъ отмѣтить широкое распространеніе различныхъ просвѣтительныхъ и педагогическихъ обществъ, и обществъ, посвящающихъ свою дѣятельность разработкѣ отдѣльныхъ отраслей науки и т. д. Къ числу такихъ обществъ просвѣтительнаго характера относится и наше Религіозно-Просвѣтительное общество...

Такое движеніе въ сторону распространенія просвѣщенія, конечно, должно радовать и дѣйствительно радуется всѣхъ тѣхъ, кому дорого развитіе въ народѣ любви къ истинѣ и добру и воспитаніе въ народѣ чувства прекраснаго.

¹⁾ Чтеніе, предложенное въ публичномъ собраніи Кіевскаго Религіозно-Просвѣтительнаго Общества 3 марта, 1904 года.

Труды Кіевск. дух. Акад. Т. I. 1904 г.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

И мы привѣтствуемъ всѣхъ дѣятелей, посвятившихъ себя этому великому дѣлу, и желаемъ полного успѣха всѣмъ начинаніямъ въ этомъ направленіи.

Но каждый мыслящій человекъ не можетъ не обнаружить глубокой скорби предъ тѣмъ истинно печальнымъ явленіемъ, которое перѣдко обнаруживается между лицами, посвятившими себя великому дѣлу народнаго просвѣщенія. Казалось бы, что всѣ они, посвятивъ себя на служеніе одному дѣлу, должны были сплотиться между собою, образовать одну тѣсную семью и взаимно помогать другъ другу. А въ дѣйствительности мы видимъ, что представители одной области науки не только несогласны съ представителями другой области, но даже враждебно относятся другъ къ другу. Вредъ, проистекающій изъ такого печальнаго положенія вещей, неизмѣримъ: отъ него страдаетъ и сама наука, и то общество, которое должно пожинать ея плоды. Въ бесплодной борьбѣ враждующихъ подрывается авторитетъ науки, утрачивается довѣріе къ ней, вносится колебаніе въ общественную мысль, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего является умственное и нравственное разложеніе общества. Наибольшая степень вреда отъ такой неустойчивости падаетъ на долю тѣхъ народныхъ элементовъ, которые переживаютъ періодъ воспитанія и обученія. Доказывать это нѣтъ нужды: это понятно само собою. Вліяніе просвѣтителей каждаго народа, его учителей,—начиная съ учителей первоначальной школы и кончая профессорами высшихъ учебныхъ заведеній,—выполнѣ аналогично съ вліяніемъ родителей въ семьѣ: если между отцомъ и матерью въ семьѣ идетъ разногласіе по вопросамъ воспитанія и образованія, то можно сказать съ увѣренностію, что дѣти ихъ будутъ и необразованы, и не воспитаны. Точно также, если среди просвѣтителей народа не будетъ полного единодушія; то просвѣщеніе народа не двинется впередъ, или будетъ двигаться очень медленно.

Гдѣ же причина такого грустнаго явленія, т. е. разногласія, разъединенія и даже вражды между тѣми, которые призваны быть просвѣтителями народа, его руководителями на пути къ достиженію истины и добра, его духовнонравственными воспитателями?

Причина этого, кажется намъ, заключается въ томъ, что люди, такъ или иначе призванные къ тому, чтобы быть просвѣтителями народа, воспитателями его,—при этомъ мы должны сказать, что слово *народъ* мы понимаемъ въ широкомъ смыслѣ, а не одну только часть его,—не пришли еще къ соглашенію какъ относительно цѣли воспитанія и образованія, такъ и относительно средствъ. Съ этою мыслию согласятся всѣ тѣ, которые обратятъ вниманіе на споры по вопросу о значеніи въ дѣлѣ воспитанія и образованія наукъ классическихъ и реальныхъ, на враждебное отношеніе къ наукамъ, которыя хотятъ вывести умъ человѣческій за пределы чувственнаго міра, т. е. къ наукамъ философскимъ, и, наконецъ, на все болѣе и болѣе усиливающееся враждебное отношеніе къ наукамъ богословскимъ, которыя говорятъ, во-первыхъ, о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку, и во-вторыхъ, объ отношеніи человѣка къ Богу. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что мы, почти единогласно признавая необходимость „просвѣщенія“ для народа, т. е. образованія и воспитанія его съ цѣлію его духовно-нравственнаго усовершенствованія, далеко несогласны въ опредѣленіи сущности просвѣщенія и идеаловъ, къ которымъ оно должно стремиться или направляться.

Давно уже время второй половины XVIII вѣка и XIX вѣкъ называются „вѣкомъ просвѣщенія“. Слова: „просвѣщеніе“, „просвѣщенный“, „просвѣщать“, „просвѣтитель“, „просвѣтительный“ сдѣлались ходячими. Но вдумываясь въ смыслъ, который соединяется съ этими словами, нельзя не замѣтить неопредѣленности этого смысла. Извѣстно, что въ области явленій вѣшняго міра мы называемъ безразлично

свѣтомъ и мягкій живительный лучъ весенняго солнца, и ослѣпительный блескъ молніи, сопровождаемый смертоносными ударами грома, и огненное зарево пожара, и курный отблескъ свѣтильника, и ядовитый огонь невольнѣ сгорающаго газа. Все это *свѣтъ*. Но какъ различно дѣйствіе его на нашу не только внѣшнюю, но и внутреннюю жизнь! Кого не охватывало чувство величія и творческой силы при восходѣ весенняго солнца и пробужденіи природы? И кто, наоборотъ, не испытывалъ ужаса, когда мракъ ночной внезапно прорѣзывало зарево разбушевавшейся огненной стихіи? Точно также и въ области духовной жизни мы называемъ „просвѣщеніемъ“ распространеніе всякихъ знаній, часто не задаваясь вопросомъ о томъ, какое вліяніе оказываютъ тѣ или иныя знанія на нашу духовно-нравственную жизнь. Конечно, наше русское общество не дошло еще до тѣхъ степеней полнаго безразличія, до какихъ общество доходитъ въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ: но, къ сожалѣнію, справедливость требуетъ сказать, что и у насъ встрѣчаются все чаще и чаще люди, склонные къ перенесенію на русскую почву тѣхъ воззрѣній, которыя широко распространяются на западѣ. „Свобода въ обученіи“, „свобода въ воспитаніи“ теперь становится знаменемъ, подъ которое стекаются борцы изъ разныхъ странъ. Подъ это знамя становятся и русскіе добровольцы.—Свобода—дѣло прекрасное, какъ прекрасенъ и всякій даръ Божій на благо рода человѣческаго. Но самъ въ себѣ по своему чисто формальному значенію въ нравственномъ отношеніи этотъ драгоценный даръ безразличенъ. Такая или иная цѣнность свободы зависитъ отъ ея приложенія. Каждый даръ Божій мы можемъ обратить какъ на добро, такъ и на зло. По слову святаго апостола Іакова, языкомъ мы можемъ и славословить Бога, и людей проклинать¹⁾; такъ и тѣло свое мы можемъ обратить и въ домъ

¹⁾ Іак. III, 9.

непотребства, и въ храмъ Духа Святаго ¹⁾). То же самое должно сказать и о дарѣ познанія, которымъ человекъ надѣленъ отъ Бога. Свою познавательную дѣятельность мы можемъ направить въ различныя стороны. Но каждый мыслящій человекъ знаетъ, что не всѣ знанія производятъ на душу человека одинокое дѣйствіе: одни возбуждаютъ, ободряютъ человека, заставляютъ его свѣтлѣе смотрѣть на міръ Божій и его главнаго обитателя—человѣка; другія, наоборотъ, омрачаютъ иногда самое свѣтлое настроеніе, заставляютъ человека переживать рядъ сомнѣній, вселяютъ уныніе и полное презрѣніе къ жизни и своей, и чужой. Къ этой отличительной особенноти знаній мы имѣемъ полное основаніе отнести и извѣстное слово св. апостола Павла: *Все мнѣ позволительно, но не все полезно. Все мнѣ позволительно, но не все назидательно. Все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною* ²⁾). Такимъ образомъ, у человека христіанина не отнята свобода и пріобрѣтать познанія въ какой угодно области,—такъ же, какъ и у перваго человека не была отнята возможность узнать добро и зло личнымъ опытомъ. Но человекъ-христіанинъ никогда не долженъ забывать, что есть знанія, примѣненіе которыхъ вредно, есть знанія не назидательныя, и, наконецъ, есть знанія такого рода, что съ усвоеніемъ ихъ духъ человека утрачиваетъ свою свободу,—потому что эти знанія подавляютъ, угнетаютъ его.

Имѣя въ виду все это, нельзя относиться съ полнымъ безразличіемъ къ распространенію и усвоенію всевозможныхъ знаній какъ среди тѣхъ нашихъ братій, которые по возрасту своему стоятъ на степеняхъ умственнаго и нравственнаго младенчества, такъ и среди тѣхъ, возрастъ которыхъ перешагнулъ уже предѣлы юности, но духовно-нрав-

¹⁾ 1 Корин. VI, 15, 16, 13, 19 и мн. др. мѣста.

²⁾ 1 Корин. VI, 12; X, 23.

ственная жизнь которых не была затронута воспитаніемъ и образованіемъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Собщеніе всякаго рода знаній такъ же не безразлично для духовной природы, какъ и питаніе физической природы младенца и взрослого одною и тою же пищею: то, что организмъ взрослого легко и съ пользою для себя перевариваетъ и усваиваетъ, для организма нѣжнаго, въ младенчествѣ и ранней юности, часто оказывается разрушительнымъ. То же самое и въ духовной жизни: крѣпкій духовно-нравственный организмъ является болѣе устойчивымъ и непоколебимымъ, когда сталкивается съ неустойчивыми, часто взаимно себя отрицающими выводами наукъ; онъ спокойно смотритъ на борьбу разныхъ направленій, сознательно обрѣсуждаетъ ихъ достоинства и недостатки, стремится къ пріобрѣтенію прочныхъ знаній и твердыхъ устоевъ для нравственности. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ въ томъ случаѣ, когда ту же самую сумму научныхъ выводовъ и недостаточно обоснованныхъ положеній науки мы начнемъ предлагать душамъ нетвердымъ, некрѣпкимъ: положеніе людей съ такою душою оказывается плачевнымъ; вмѣсто духовно-нравственной крѣпости въ концѣ концовъ получится полная распатанность какъ въ умственной, такъ и въ нравственной дѣятельности, и они дѣлаются жертвами жизненныхъ бурь; они гибнутъ, не успѣвъ дойти до духовно-нравственной зрѣлости. Образованное общество жалеетъ о нихъ, но мирится съ ихъ гибелью, какъ съ неизбежнымъ зломъ, ибо видитъ въ нихъ жертвы „общественнаго настроенія“. Но кто же виновникъ этого настроенія? Вѣдь душевное настроеніе передается по наслѣдству, и общественное настроеніе является выраженіемъ настроенія большинства отдѣльных членовъ общества. Такимъ образомъ, признавая гибнущія натуры жертвами общественнаго настроенія, мы должны признать ихъ своими жертвами, жертвами нашего неумѣнія, нашей духовно-нравственной неустойчивости, нашей слабости въ дѣлѣ образова-

ніи нашихъ дѣтей и меншихъ братьевъ. Въ наше время нерѣдко можно слышать и наблюдать такія, напримѣръ, явленія. Человѣка, который пріобрѣлъ множество всякихъ, иногда только поверхностныхъ, знаній, не стѣсняются называть человѣкомъ „просвѣщеннымъ“, „образованнымъ“; а если такой человѣкъ усвоилъ себѣ внѣшніе приемы угождать окружающимъ его людямъ, то его признають и благовоспитаннымъ; при этомъ рѣдко обращаютъ вниманіе на то, по какимъ побужденіямъ онъ дѣйствуетъ въ своей жизни. Многіе изъ „просвѣщенныхъ“ подобнымъ образомъ людей живутъ, повинуваясь исключительно влеченіямъ своего непосредственнаго чувства и требованіямъ низменной животной природы; и однако въ глазахъ окружающаго ихъ общества они остаются людьми „просвѣщенными“. А между тѣмъ жизнь таковыхъ людей показываетъ, что „просвѣщеніе“, или образованіе и воспитаніе, не затронуло внутреннѣйшей стороны ихъ духовной природы, т. е. ихъ нравственнаго чувства, которымъ опредѣляется достоинство поведенія человѣка: оно коснулось ихъ только совѣти и придало имъ только такъ называемый внѣшній лоскъ. Достаточно такому человѣку попасть въ среду людей, живущихъ,—какъ говоритъ Слово Божіе,—*въ похотѣхъ сердца своего*¹⁾, людей *порочныхъ и ругателей*, ходящихъ по побужденіямъ своихъ похотей²⁾,—духовная грубость, природная дикость нрава такого человѣка проявляются во всей своей силѣ. А его просвѣщеніе, его образованіе? Его „просвѣщеніе“ дѣлаетъ его только болѣе искуснымъ, болѣе находчивымъ, изобрѣтательнымъ въ средствахъ къ удовлетворенію чувственныхъ влеченій его животной природы. Да! и въ прошедшей жизни человѣческихъ обществъ, и въ настоящей ихъ жизни можно указать немало фактовъ, показывающихъ, что образованіе ума человѣка нисколько не

¹⁾ Рим. I, 24.

²⁾ Иуд. I, 16, 18.

обезпечиваетъ намъ измѣненія его правовъ къ лучшему, если только этому образованію не сопутствуетъ или не предшествуетъ нравственное воспитаніе.—Съ другой стороны, въ наше время нерѣдко встрѣчаются люди, имѣющіе душу невинную, люди, живущіе въ простотѣ сердца своего. Всѣ явленія къ жизни,—какъ вѣшняго, такъ и внутренняго міра,—такіе люди оцѣниваютъ по ихъ отношенію къ нравственной области и по ихъ значенію для нравственной жизни. Какъ относится къ такимъ людямъ „просвѣщенное„ или „образованное общество?“ Очень часто такихъ людей не стыдятся называть „чужаками“, „простецами“, „людьми недалекими“ и, даже еще хуже, „невѣждами“, указывая этимъ на то, что такіе люди не имѣютъ тѣхъ знаній, которыя у насъ считаются непремѣннымъ условіемъ для того, чтобы быть зачисленнымъ въ ряды людей „образованныхъ“, „просвѣщенныхъ“. Къ такимъ людямъ „образованные“ люди относятся съ нескрываемымъ презрѣніемъ или,—въ лучшемъ случаѣ,—съ снисходительнымъ сожалѣніемъ о ихъ невѣжествѣ, о ихъ непросвѣщенности, о ихъ несоотвѣтствіи „духу настоящаго времени“. А между тѣмъ такіе люди обнаруживаютъ въ себѣ присутствіе именно того истиннаго свѣта, который необходимъ каждому человѣку для того, чтобы освѣщать ему его жизненный путь. Такіе люди всею жизнію своею обнаруживаютъ въ себѣ просвѣщенные *очеса сердца* ¹⁾, т. е. просвѣщеніе внутренней стороны человѣческаго существа, качествами которой опредѣляется въ словѣ Божіемъ достоинство, цѣнность человѣческой жизни. Поставьте такого человѣка въ какую угодно среду, окружите его какими угодно условіями жизни, онъ всегда остается вѣрнымъ самому себѣ. Какъ драгоценный камень, онъ одинаково сіяетъ и въ великолѣпныхъ паладахъ, и въ бѣдной хижинѣ своимъ внутреннимъ духовнымъ свѣтомъ; какъ твердая скала, такой человѣкъ непо-

¹⁾ *Ефес.* 1, 18.

колебимо стоитъ предъ бурями жигейскаго моря. Въ немъ не возникаетъ тѣхъ сомнѣній, которыя возмущаютъ людей нетвердыхъ, волнуемыхъ вѣтромъ всякихъ ученій¹⁾, смѣняющихъ одно другое и взаимно себя уничтожающихъ. Въ немъ вы не увидите проявленія той, свойственной чело-вѣку, „природной“ чело-вѣческой грубости, которая очень мѣтко называется „звѣремъ“ въ чело-вѣкѣ, которая обнаруживается въ немъ съ первыхъ дней его жизни, которая причиняетъ такъ много заботъ и родителямъ, и воспитателямъ, и которая оказывается гибельною для него, если посредствомъ долгой и настойчивой борьбы не будетъ побѣждена. Наоборотъ, въ такомъ чело-вѣкѣ мы встрѣчаемъ чуткую вполнѣ отзывчивую душу ко всему свѣтлому, доброму и прекрасному, ко всему тому, что служить къ счастью людей, что является отблескомъ вѣчнаго идеала чело-вѣческой жизни и влечетъ людей на путь непрестаннаго самоусовершенствованія. Такіе люди бываютъ способны и къ усвоенію тѣхъ знаній, которыя являются „плодами просвѣщенія“ уже въ ходячемъ смыслѣ этого слова. Но такіе люди не обнаруживаютъ склонности рабски и легкомысленно преклоняться предъ всякимъ, якобы научнымъ, направленіемъ мысли и увлекаться, какъ говоритъ слово Божіе, философією, блестящими выводами изъ данныхъ опыта и изъ наблюденій надъ составными частями внѣшняго міра и чело-вѣка²⁾). Ихъ духовный кругозоръ идетъ далѣе узкихъ границъ, въ кото-рыхъ вращается такъ называемое научное наблюденіе. Для нихъ доступный намъ видимый міръ есть только малѣйшая частица всего существующаго, а чело-вѣческій разумъ — только слабый отблескъ того Высочайшаго Разума, Который царствуетъ надъ всѣмъ существующимъ и живущимъ. Они смиренно преклоняются предъ величіемъ Его, сознавая, что кратковременная жизнь на землѣ недостаточна для познанія

¹⁾ *Евфес.* IV, 14

²⁾ *Колос.* II, 8.

истины во всей ея полнотѣ. Съ грустью смотрятъ они на безплодныя усилія человѣческаго ума создать міровоззрѣніе, которое можно было бы считать послѣднимъ словомъ человѣческой мысли. Не предаваясь сами печальному самообману, такіе люди скорбятъ о безполезныхъ попыткахъ, дѣлаемыхъ другими, и еще съ большимъ напряженіемъ устремляются въ глубину своего духа, чтобы въ немъ найти путь къ Духу Безконечному.

Если конечная цѣль „просвѣщенія“ народовъ состоитъ въ томъ, чтобы выводить ихъ изъ прирожденнаго человѣчеству дикаго состоянія и постепенно возводить ихъ по степенямъ къ возможному для нихъ духовно-нравственному совершенству; то на основаніи выше сказаннаго нами вполне ясно разрѣшаются слѣдующіе вопросы: 1) возможно ли просвѣщеніе народа ограничить развитіемъ его только въ умственномъ отношеніи,—т. е. возможно ли свести все дѣло просвѣщенія только къ распространенію добытыхъ въ прошедшей жизни знаній о мірѣ и человѣкѣ? 2) съ чего начинать дѣло народнаго просвѣщенія? Этотъ вопросъ,—какъ увидимъ ниже,—имѣетъ главное значеніе среди другихъ вопросовъ о просвѣщеніи; 3) какая основная, или,—если хотите,—существенная, отличительная черта истиннаго просвѣщенія, какъ средства къ достиженію духовно-нравственнаго совершенства?

Итакъ, возможно ли ожидать плодотворныхъ результатовъ отъ „просвѣщенія“, направленнаго только къ распространенію знаній о внѣшнемъ мірѣ и человѣкѣ, т. е. только на умственную сторону народа? Рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный. „Нѣтъ!—говоримъ мы,—„невозможно“, и основываемся, въ этомъ случаѣ, какъ на теоретическихъ соображеніяхъ, такъ и на вѣковомъ, многовѣковомъ человѣческомъ опытѣ, на фактахъ изъ исторіи культурныхъ народовъ. Исторія видѣла не одинъ народъ, который по своему умственному развитію

стоялъ весьма высоко среди другихъ народовъ. Исторія видѣла величественную Ассиро-Халдейскую народность въ Месопотаміи, памятники которой, извлекаемые изъ городовъ ея, покрытыхъ накопившеюся въ теченіе вѣковъ землею, говорятъ намъ о высокомъ умственномъ развитіи, о могущественной энергіи и богатствѣ ихъ создателей. Предъ глазами исторіи прошла свой жизненный путь народность Египетская, наполнившая долину рѣки Нила остатками своего высокаго умственнаго просвѣщенія, неутомимаго трудолюбія, и могущественнаго вліянія на всѣхъ окружавшихъ ее и соприкасавшихся съ нею жителей древняго Востока. Мы могли бы указать еще на сиро-финикійцевъ, во главѣ которыхъ стояли города Тиръ и Сидонъ въ Азіи, и Кароагенъ въ Африкѣ, корабли которыхъ вели торговые сношенія со всѣми приморскими странами, куда только можно было добраться безъ компаса: могли бы указать на малоизвѣстныя, но могущественныя и благоустроенныя государства Перуанскихъ инковъ, Мексиканскихъ ацтековъ и другія погибшія цивилизаціи. Онѣ погибли. Гдѣ же кроется причина ихъ смерти? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы имѣемъ точнѣйшія историческія данныя, имѣемъ свидѣтельства, въ подлинности которыхъ, кажется, никто никогда не сомнѣвался. Да въ нихъ нельзя и сомнѣваться, потому, что они исходятъ отъ современниковъ названныхъ нами погибшихъ народовъ, — современниковъ, иногда жившихъ среди этихъ народовъ а слѣдовательно имѣвшихъ возможность непосредственно наблюдать жизнь ихъ. Эти свидѣтели — израильскіе пророки: Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Даніиль и пророки малые: Осія, Іоиъ, Амосъ, Авдій, Іона, Михей, Наумъ Софонія, Захарія и др. Въ своихъ пророческихъ рѣчахъ къ народамъ Востока названные пророки яркими красками характеризуютъ ихъ и даютъ намъ полную возможность составить понятіе о качествахъ „просвѣщенности“, или, — какъ говорятъ, — культурности, и о причинахъ гибели этихъ народовъ, —

Ассириовавилоняне были неоднократно предметом пророческаго слова. Такъ, у пророковъ, Исаи, Іереміи, Іоны, Наума, Софоніи мы видимъ указанія на величіе этихъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на причины ихъ паденія. Пророкъ Исаія говоритъ о *Вавилонѣ*: „Вотъ приходитъ день Господа лютой, съ гнѣвомъ и пылающею яростію, чтобы сдѣлать землю пустынею и истребить съ нея грѣшниковъ... Я накажу міръ за зло и печестивыхъ за беззаконія ихъ, и положу конецъ высокоумію гордыхъ, и унижу надменность притѣснителей ¹⁾“. „Сойди, сядь на прахъ дѣвица, дочь Вавилона; сиди на землѣ, дочь Халдеевъ, и впередъ не будутъ называть тебя нѣжною и роскошною. Ты говорила: „вѣчно буду госпожею народовъ“.... Но нынѣ выслушай, изнѣженная, живущая безпечно, говорящая въ сердцѣ своемъ: „я!—и другой подобной мнѣ нѣтъ“.. Но внезапно.... придетъ къ тебѣ потеря... дѣтей и вдовство..., не смотря на множество чародѣйствъ твоихъ и на великую силу волшебствъ твоихъ... *Мудрость твоя и знаніе твое—они сбили тебя съ пути*... Никто не спасетъ тебя ²⁾“. О Вавилонѣ же говоритъ и пророкъ *Іеремія*: „Вавилонъ взятъ, Вилъ посрамленъ, Меродахъ сокрушенъ... Халдея сдѣлается добычею..., ибо вы веселились, вы торжествовали, расхитители наслѣдія Моего... Воздайте Вавилону по дѣламъ его..., ибо онъ вознесся противъ Господа... Мечъ на обаятелей, и они обезумѣютъ..., ибо это земля истукановъ, и они обезумѣютъ отъ идольскихъ страшилищъ ³⁾... Вавилонъ былъ золотою чашею..., опьянявшею всю землю; народы пили изъ нея вино и безумствовали... Сильные Вавилонскіе... сдѣлались какъ женщины..., истощилась сила ихъ... Толстыя стѣны Вавилона до основанія будутъ раз-

¹⁾ Ис. XIII, 9—11.

²⁾ Ис. XLVII, 1—15.

³⁾ Іер. I, 2, 10, 11, 29, 36, 38, 39.

рушены ¹⁾).—Почему? Потому, что Вавилонъ жестокъ съ народами: онъ господствуетъ такъ, что у подчиненныхъ ему „кожа почернѣла отъ жгучаго голода, какъ печь“; Вавилоняне безчестятъ женъ въ святилищѣ, вѣшаютъ князей; не уважаютъ старцевъ; юношей берутъ къ жерновамъ, а дѣтей истощаютъ подъ тяжестью вязанокъ дровъ ²⁾). Они идолопоклонники, лживы и люди нечистой жизни ³⁾).—Не менѣе славную, но болѣе кратковременную оказалось народность Ассирійская. О ея могуществѣ говорятъ многіе пророки; они же указываютъ и причину ея паденія. Пророкъ *Іона* свидѣтельствуетъ, что Ниневія, столица Ассиріи,—городъ великій на три дни ходьбы, но злодѣяннѣя его вопіютъ къ Богу ⁴⁾). Книга пророка *Наума* начинается такими словами: „Господь есть Богъ ревнитель и мститель. Мститъ Господь врагамъ своимъ и не пощадитъ противниковъ своихъ... Всепопотожняющимъ наводненіемъ разрушитъ до основанія Ниневію, и враговъ Его постигнетъ мракъ. Что умышляете вы противъ Господа... сплетишеся, какъ терновникъ, упившіеся, какъ пьяницы, они пожраны будутъ, какъ сухая солома. Изъ тебя произошелъ умыслившій злое Господа, составившій совѣтъ нечестивый... Нынѣ Я сокрушу ярмо его... О тебѣ, Ассуръ, Господь опредѣлилъ: не будетъ болѣе народа съ именемъ твоимъ ⁵⁾)... Горе городу кровей! онъ полонъ обмана и убійствъ; не прекращается въ немъ грабительство..., нѣтъ конца трупамъ; спотыкаются о нихъ. Это за многія блудодѣянія развратницы, пріятной наружности“... Вотъ, городъ торжествующій, живущій безопасно, говорящій: „я—и нѣтъ иного кромѣ меня“. Онъ сталъ развалиною и логовищемъ для звѣрей ⁶⁾)... Горе городу

¹⁾ *Іерем.* LI, 7, 30, 34, 55, 58.

²⁾ *Плачъ Іерем.* V, 10—15

³⁾ *Послание Іерем.* ст. 8—44.

⁴⁾ *Іон.* I, 2, III, 3.

⁵⁾ *Наумъ*, I, 2, 8—14. III, 1, 3, 4.

⁶⁾ *Софон.* II, 15.

нечистому и оскверненному, притѣснителю! Не слушаетъ голоса..., на Господа не уповаетъ. .. Князя его посреди его — рыкающіе львы, судьи его — вечерніе волки... Пророки его — люди легкомысленные, вѣроломные; Священники его оскверняютъ святыню, попираютъ законъ. Вотъ Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ... Посему такъ говоритъ Господь Богъ: за то, что ты сталъ высокъ ростомъ, и вершину выставилъ среди толстыхъ сучьевъ и сердце твое возгордилось величіемъ твоимъ; за то Я отдалъ его въ руки властителю народовъ... за беззаконіе его Я отвергъ его. И срубили его чужеземцы ¹⁾). — Сосѣдъ Ассирихалдеевъ Египеть, славный просвѣщеніемъ, могущественный по власти, имѣлъ ту же участь. Вотъ слова *Іереміи* пророка о немъ: „Дѣва, дочь Египта! пойди въ Галаадъ, возьми бальзама. Напрасно ты будешь умножать врачевства твои, иѣтъ для тебя исцѣленія... Становись готовься.. Падетъ гордыня могущества его... положу конецъ многолюдству Египта... *Сокрушу ярмо Египта, и прекратится гордое могущество его* ²⁾). Лютейшіе изъ народовъ уничтожатъ гордость Египта ³⁾). — Не менѣе сильныя и ясныя рѣчи пророковъ мы находимъ о знаменитыхъ въ древности мореходахъ и торговцахъ сиропиникійскихъ, городахъ Тиръ, Сидонъ, а также о Дамаскѣ. Въ сущности говоря это цѣлыя колоніальныя государства. Вотъ что говоритъ пророкъ *Исаія* о Тирѣ и Сидонѣ „Рыдайте корабли Фарсиса, ибо онъ разрушенъ... Умолкните обитатели острова, который наполняли кунцы Сидона, плавающіе по морю... Онъ былъ торговымъ рынкомъ народовъ... Содрогнутся Египтяне, услышавъ о Тирѣ... Это ли вашъ городъ, начало котораго отъ дней древнихъ..., который раздавалъ вѣнки, кунцы котораго были князя, торговцы — знаменитости земли. Господь воинства небеснаго опредѣлилъ это, *чтобы*

¹⁾ *Совфн.* III, 1—4. *Іезек.* XXXI, 3—11 и дал.

²⁾ *Іерем.* XLVI, 11, 12, 24, 25, и дал. *Іезек.* XXX, 6, 10, 18 (см. всю главу и дал.).

³⁾ *Іезек.* XXXII.

посрамить надменность всякой славы... и сказать: Ты не будешь болѣе ликовать, посрамленная дочь Сидона! Вставай, иди въ Киттимъ, но и тамъ не будетъ тебѣ покоя!.. Та же судьба ожидаетъ,—по слову пророка Іереміи,—помощниковъ Тира и Сидона города: Аскалонъ, Газу, островъ Кафторъ ¹⁾. Величіе Тира и Сидона изображено у пророка Іезекіиля: тамъ же изображена и причина паденія его: „Скажи начальнику Тира: за то, что вознеслось сердце твое... и ты ставишь умъ свой наравнѣ съ умомъ Божиимъ... что разумомъ своимъ ты приобрѣлъ богатства, и въ сокровищницы свои собралъ много золота и серебра... и умъ твой возгордился богатствомъ твоимъ, Я приведу на тебя иноземцевъ лютейшихъ изъ народовъ. Ты совершенъ былъ въ путяхъ своихъ доколь не нашлось въ тебѣ беззаконія... Внутренности твоя исполнилась неправды, ты согрѣшилъ, и Я низвергну тебя, какъ нечистаго... возгордилось сердце твое, отъ тщеславія ты погубилъ мудрость свою... Множествомъ беззаконій твоихъ въ неправедной торговлѣ ты осквернилъ святилища твои. Вотъ Я на тебя, Сидонъ, и прославлюсь среди тебя, и узнаютъ, что Я—Господь, когда произведу судъ надъ нимъ ²⁾. О томъ же говоритъ пророкъ Захарія, предсказывая погибель Финикійскихъ городовъ ³⁾ за ихъ кровавыя дѣла и мерзости. По слову пророка Ісаиіи Дамаскъ исключается изъ числа городовъ за то, что забылъ о Богѣ и развелъ у себя сады увеселительные, упиваясь чужеземнымъ виномъ ⁴⁾ и безстыдно исполняя служеніе мерзостямъ Астарты и Ваала, т. е., чувственными удовольствіямъ.—Вообще причиною гибели народовъ пророки представляютъ созданіе себѣ ими грубо чувственныхъ идеаловъ, ихъ отступленіе

¹⁾ *Исаи* XXIII, 1—16; *Іерем.* XLVІІІ, 1—7.

²⁾ *Іезек.* XXVІІІ, 1—19; 22.

³⁾ *Захар.* ІХ, 1 и далѣе.

⁴⁾ *Ис.* XVII, 1—3.

отъ закона, поправіе ими нравственнаго идеала. Пророкъ *Іезекииль* восклицаетъ отъ имени Господа: Беззаконникъ, ты смертію умрешь.. Когда праведникъ отступитъ отъ правды и начнетъ дѣлать беззаконіе, то онъ умретъ за то ¹⁾. Приступите, народы, слушайте и внимайте, племена... Ибо гнѣвъ Господа на всѣ народы и ярость Его на все воинство ихъ. Онъ предастъ ихъ заклятію, отдастъ на закланіе ²⁾. Горе тебѣ, опустошитель, который не былъ опустошаемъ, и грабитель, котораго не грабили. Когда кончишь опустошенія, будешь опустошенъ и ты, когда прекратишь грабительство, разграбятъ и тебя ³⁾. Явлю славу Мою между народами, и всѣ народы увидятъ судъ Мой, который Я произведу, и руку Мою, которую Я наложу на нихъ. И будетъ знать домъ Израиля, что Я—Господь Богъ ихъ, и узнаютъ народы, что онъ переселенъ былъ за неправды, за то, что поступалъ вѣроломно предъ Мною... за нечистоты ихъ, за беззаконія... И почувствуютъ они безчестіе свое и всѣ беззаконія свои, которыя дѣлали предъ Мною ⁴⁾.

Итакъ, вотъ въ чемъ лежала причина гибели древнихъ цивилизаций Востока. Въ томъ же кроются причины гибели и позднѣйшихъ классическихъ народовъ; а именно въ низменности созданныхъ ими себѣ идеаловъ. Они были просвѣщены болѣе другихъ, но они не были просвѣщенными въ полномъ смыслѣ этого слова. Ихъ нравственное чувство осталось малоразвитымъ: они были высокоумны, къ иноплеменику относились жестоко, въ страстяхъ своихъ они были ужасны, подобно звѣрямъ. Ихъ чувственность безгранична; пьяный разгулъ, плотскій развратъ между ними—повальное явленіе. Просвѣщеніе коснулось ихъ ума, но оно не затронуло глу-

¹⁾ *Іезек.* XXXIII, 8, 18.

²⁾ *Ис.* XXXIV, 1, 2.

³⁾ *Ис.* XXXIII, 1.

⁴⁾ *Іезек.* XXXIX.

бинны ихъ собственно человѣческаго существа, т. е. той духовной стороны, по которой человѣкъ отличается отъ животныхъ. Дикіе нравы перечисленныхъ народовъ проявляются еще съ большою силою по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтаемыя знанія давали имъ все новыя и новыя средства къ примѣненію жестокости. Достигнувъ могущества, такой народъ обыкновенно становился угнетателемъ и грабителемъ покоренныхъ, истребителемъ слабѣйшихъ, но не покорныхъ. Любовь къ ближнему была неизвѣстна, и въ отношеніяхъ къ иноплеменнику такой народъ руководствуется только сознаніемъ своей силы: предъ сильнѣйшимъ онъ трепещетъ и работливуетъ, затаивъ къ нему вражду, для слабѣйшаго онъ — страшный деспотъ, питающій ко всѣмъ презрѣніе. Онъ глухъ къ голосу нравственнаго закона и совѣсти и живетъ въ беззаконіи. Достигнувъ богатства и славы, онъ быстро изнѣживается, дѣлается лѣнивымъ, и потомство его быстро вырождается: въ самомъ себѣ носитъ онъ свою гибель.

Нужно ли послѣ этого доказывать еще, что просвѣщеніе народа не можетъ ограничиваться только одною указанною стороною, т. е. развитіемъ его ума? Нѣтъ! безъ просвѣщенія сердца его, безъ распространенія познанія о премудромъ Владыкѣ не только всѣхъ народовъ, но и всего міра, т. е. о Богѣ, — какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлые народы не имѣютъ никакой нравственной цѣны. „Были они, и ихъ нѣтъ, и ты не знаешь мѣста, гдѣ они были“, — говорятъ пророки.

Слова пророковъ исполнились съ буквальною точностію; а потому эти великія слова навсегда должно занебавлять въ памяти какъ каждому отдѣльному человѣку, такъ и каждому народу, вступающему на жизненный путь. Необходимо запомнить это и намъ, представителямъ русскаго народа. Народъ нашъ исторически еще молодъ. Ему предстоитъ еще великое дѣло объединенія и воспитанія, т. е. *просвѣщенія*

Труды Киевск. дух. акад. Т. I. 1904 г.

многихъ племень. Стоя во главѣ ихъ, онъ долженъ надлежащимъ образомъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы врученныя ему руководству племена сдѣлать народами, достойными царства Божія, царства мира и правды, народами, которые во всей полнотѣ могли бы раскрыть всѣ свои духовно-нравственныя силы.

Первымъ шагомъ къ этому великому дѣлу просвѣщенія должна служить у насъ самихъ правильная постановка дѣла народнаго просвѣщенія.

Если душа ребенка не съ первыхъ же лѣтъ жизни бываетъ готова къ воспріятію и усвоенію даже элементарныхъ научныхъ познаній; то къ воспитанію въ добрыхъ нравахъ, къ развитію добрыхъ чувствованій, къ проявленіямъ любви къ окружающему ихъ міру и живущихъ съ ними людей, дѣти являются способными чуть ли не съ первыхъ дней своей жизни. Въ этомъ отношеніи дѣтямъ подобны и взрослые, стоящіе на низшей степени развитія. Такимъ образомъ сама природа человѣка подсказываетъ намъ, съ чего должно быть начинаемо „просвѣщеніе“ человѣка. Оно должно начинаться съ развитія въ душѣ воспитываемыхъ понятія о добрѣ и злѣ, т. е. о томъ, что согласно съ нравственнымъ закономъ, и что противорѣчитъ ему. Различеніе добра и зла, возбужденіе любви къ добру и ненависти къ злу, возбужденіе стремленія содѣйствовать распространенію добра и противо-дѣйствовать развитію зла,—вотъ тѣ краеугольные камни, которые должны лечь въ основу „просвѣтительной“ дѣятельности. Это тотъ талисманъ, который долженъ быть у каждаго человѣка, вступающаго на жизненный путь; это его путеводная звѣзда, безъ которой онъ всегда подвергается опасности сбиться съ пути въ житейскомъ морѣ. Но нравственный законъ,—какъ вообще и всякій законъ,—не всегда представляется уму человѣка безусловно обязательнымъ. За каждымъ закономъ непременно долженъ стоять авторитетъ законодателя. Отъ степени этого авторитета зависитъ степень

авторитета закона. Отсюда слѣдуетъ, что для признанія безусловности нравственнаго закона необходимо перейти къ ученію о безусловномъ бытіи Законодателя, т. е. къ воспитанію и обученію религіозному. Нравственное воспитаніе не будетъ имѣть подъ собою твердой почвы, если не будетъ сопровождаться воспитаніемъ религіознымъ, т. е. просвѣщеніемъ души человѣка относительно происхожденія и конца жизни и относительно конечной ея цѣли; безъ религіознаго образованія и воспитанія человѣкъ можетъ быть нравственнымъ только не въ собственномъ смыслѣ и значеніи этого слова; его нравственность—безсознательная, механическая, какъ сумма дѣйствій въ силу привычки; такая нравственность легко можетъ быть поколеблена и даже совсѣмъ утрачена отъ малѣйшаго толчка. Только вѣра въ Бога даетъ смыслъ и значеніе поведенію человѣка, и только при вѣрѣ въ Бога его поведеніе всегда остается сознательнымъ исполненіемъ нравственнаго закона. По этой причинѣ малѣйшее различіе вѣрованій непремѣнно отражается на степени нравственности и проявляется въ различія нравственности у разныхъ народовъ, а безвѣріе почти всегда сопровождается безнравственностію, или пониженіемъ нравственнаго уровня.—Такъ какъ цѣль человѣческой жизни есть непрерывное приближеніе къ безконечному идеалу духовно-нравственнаго совершенства; то отсюда слѣдуетъ, что въ исторіи ни одного народа никогда не можетъ наступить такого періода, въ который можно было бы сказать, что теперь религіозно-нравственное просвѣщеніе уже не нужно,—что цѣль уже достигнута; потому что каждое нарождающееся новое поколѣніе представляетъ собою новый, такъ сказать, совершенно невоздѣланный въ религіозно-нравственномъ отношеніи матеріалъ, надъ воздѣлываніемъ котораго и необходимо трудиться предшествующимъ поколѣніямъ. Старшіе непрестанно и словомъ, и дѣломъ, т. е. примѣромъ собственной жизни,—должны учить младшихъ: никакого перерыва, ни-

какихъ колебаній, никакихъ недоразумѣній въ этомъ великомъ дѣлѣ быть не должно. Предъ глазами учителей и воспитателей долженъ быть одинъ всегда неизмѣнный идеаль; а производить воспитательные опыты безусловно вредно какъ въ другихъ областяхъ просвѣщенія, такъ въ особенности въ области религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія. Измѣнныя истины вѣры и непреложныя требованія нравственнаго закона должны быть передаваемы,—какъ и аксіомы математики, безъ которыхъ невозможно движеніе въ области точныхъ наукъ,—категорически, въ ясно выраженныхъ развѣ навсегда формахъ. Только при такомъ условіи мы можемъ ожидать отъ новыхъ поколѣній твердости въ прохожденіи ими ихъ жизненнаго пути.

Расположеніе другихъ просвѣтительныхъ средствъ, которыми владѣетъ каждый народъ,—на ряду съ религіозно-нравственнымъ просвѣщеніемъ,—обусловливается степенью воспріимчивости воспитываемыхъ, ихъ личными качествами и способностями. Но при этомъ должно быть соблюдено также необходимое, обязательное условіе: ничего неяснаго, ничего сомнительнаго, ничего могущаго внести смуту въ неокрѣпшую душу воспитываемыхъ поколѣній, или поколѣній „просвѣщаемыхъ“, находящихся въ періодѣ воспитанія. Это потому, что даже малѣйшая неувѣренность, сомнѣнія въ значеніи пріобрѣтенныхъ познаній дѣйствуютъ на душу воспитываемыхъ разлагающимъ образомъ; сомнѣніе въ преподаваемыхъ истинахъ переходитъ въ сомнѣніе въ существованіи истины вообще, а затѣмъ и Вѣчной Истины. Смыслъ жизни теряется, и самая жизнь утрачиваетъ въ глазахъ свою цѣну и свое значеніе. Такимъ образомъ „просвѣтители, т. е. воспитатели и учителя каждаго народа совершаютъ величайшее преступленіе, когда подрываютъ въ немъ вѣру въ вѣчные идеалы истины: они увлекаютъ народъ къ медленной, но вѣрной смерти; ихъ преступленіе страшнѣе отдѣльнаго убійства, потому что ихъ идеи, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе,

изъ рода въ родъ являются косвенною причиною множества самоубійствъ и убійствъ. Въ древней исторіи печальный примѣръ такого „просвѣщенія“ мы видимъ въ греческихъ софистахъ и скептикахъ. Въ настоящее время примѣру ихъ слѣдуютъ теоретическіе нигилисты. Поэтому Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и произнесенъ строгій приговоръ надъ такими людьми: „Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому было бы лучше, если бы ему повѣсили на шею мельничный жерновъ и потопили въ глубинѣ моря“. И затѣмъ прибавляетъ: „Горе міру отъ соблазновъ, ибо соблазны имѣютъ наступить, но горе человѣку тому, отъ котораго соблазнъ приходитъ“¹⁾. Мы знаемъ, что многіе народы уже погибли: они погибли, потому, что поддались обаянію разныхъ соблазновъ: однихъ ослѣпило военное могущество, другихъ — громады накопленныхъ ими сокровищъ, третьихъ — преувеличенная народная гордость. Смыслъ жизни помрачился у нихъ, и они сдѣлались жертвою уклоненія отъ того идеала, который долженъ быть путеводною звѣздою каждаго народа. Просвѣтители каждаго народа не должны забывать о немъ (этомъ идеалѣ), если любятъ народъ свой, и хотятъ вести его къ непрерывному усовершенствованію. Они должны создать въ народѣ любвеобильное сердце, ясный умъ способный къ различенію настоящаго свѣта отъ свѣта фальшиваго, и непреклонную волю, направленную къ непрерывному самоусовершенствованію всѣхъ сторонъ ихъ духовной природы.

Они не должны внушать народу той ложной мысли, напр., что залогъ будущаго величія и счастья народа въ его морскомъ преобладаніи, во всемірной торговлѣ и накопленіи несмѣтныхъ богатствъ, ибо такую мысль опровергаетъ исторія городовъ сирофиникійскихъ; не заключается будущее благо народа и въ его военномъ господствѣ надъ всѣми: это по-

¹⁾ Мѣ. XVIII, 7.

казываютъ всѣ извѣстныя военныя государства древности: Халдеоассирійское, Персидское, Македонское и Римское. По словамъ пророковъ Богъ терпѣлъ ихъ только до тѣхъ поръ пока они были нужны, какъ исполнители Его великихъ пред- назначеній¹⁾. Выполнявъ определенное имъ дѣло, они погибли такъ же, какъ и сами были губителями другихъ. Для блага народа—единственнымъ условіемъ является: духовно- нравственная мощь, дѣйствующая вполне согласно съ закономъ Божиимъ, сокровища его любвеобильнаго сердца и неуклонное стремленіе служить Богу, исполняя Его волю. Таковыми въ древности былъ народъ Израильскій, пережившій всѣ народы древняго міра; въ настоящее время таковыми должны быть народы христіанскіе, и въ этомъ направленіи они должны быть просвѣщаемы.

А. Булаковъ.

¹⁾ Ис. X, 4—19; Иезек, XXIX, 19, 20.